

Дискуссия

Мистические анархисты. Перезагрузка

Статья Нины Пеньяфлор

Иллюстрация Ксении Сайфулиной

Сказать начистоту, я очень удивилась, найдя в предыдущем номере «Финикового компота» статью Николая Герасимова о русских анархистах-мистиках. Понимаете, в рубрике, где пишут о платоновской Академии, Тюбингенском и Венском кружках, появляется текст о не слишком известном и влиятельном собрании людей в России начала прошлого столетия. Не знаю, как Николай подошёл к этому предприятию, но ворваться мистическим анархизмом в стройный ряд эталонных философских сообществ — это определённо смело. И слегка опрометчиво. И, пожалуй, это немалая ответственность, ведь мы имеем дело с интеллектуальным феноменом, в котором, словно рентгеновскими лучами, высветился подлинный дух столь неоднозначной эпохи, как Серебряный век. Поэтому я хотела бы поприветствовать эту инициативу и продолжить рассказ о мистическом анархизме, привнеся в него ряд занимательных деталей, а именно: осветить некоторые подробности жизни Георгия Чулкова, набросать контуры концепции «мистического энергетизма» Вячеслава Иванова и немного прояснить истоки этого феномена.

Любое философское сообщество, и здесь я не могу не согласиться с Николаем, выделяется двумя моментами — исповедуемыми идеями и организацией. Хрестоматийным примером философского сообщества, помимо тех, что уже рассматривались в настоящем журнале, мне видится Йенский кружок романтиков, пытавшихся хотя бы локально

осуществить собственный идеал «Bildungsanstalt». Буквально это слово можно перевести как «образовательное учреждение», на деле же подразумевалась своеобразная машина по генерации новых проектов по преобразованию мира. Предполагалось, что воплощением этого идеала станет свободное сообщество людей, живущих вместе (начало организации) и бескорыстно и постоянно обменивающихся идеями (начало программы сообщества). «Bildungsanstalt» должен был стать произведением искусства, совершающим непрерывную экспансию и по мере увеличения числа своих адептов стирающим грань между искусством и жизнью. Однако Йенский кружок быстро сошёл на нет, оставив, тем не менее, весомое интеллектуальное наследие и красивую идею того, каким может быть философское сообщество.

В этом смысле русские мистические анархисты вряд ли являлись подлинным сообществом, хотя, безусловно, они к этому стремились. Строго говоря, их век был ещё короче, чем у недолговечных йенцев, и за это время у них не сложилось ни серьёзной организации, ни убедительной программы. Мистический анархизм начала XX века олицетворяют две разномастные фигуры, Вячеслав Иванов и Георгий Чулков, отчего он подобен двуликому Янусу, так и не сумевшему усмирить в себе борьбу двух начал. Его содержательное наполнение целиком исходило от блестящего эрудита Иванова, а институциональное оформление — от талантливого организатора Чулкова. Думается,

что они преследовали различные цели, и лишь переломность эпохи и взаимная очарованность на первых порах знакомства позволили им сотрудничать. Их дружба вряд ли была равной. Ещё будучи в ссылке в Нижнем Новгороде, Чулков познакомился с ивановским поэтическим сборником «Кормчие звёзды», его первым символистским опытом, и почувствовал в феноменальном богатстве аллюзий и метафор родственную душу. Иванов, воплощая идеальное для Чулкова сочетание знания и опыта, был для него своеобразным альтер-эго; Чулков же был энергичным молодым человеком, который имел реальный опыт столкновения с властями (ссылочное прошлое вообще было его неизменным козырем при входе в символистские круги), понимал современную политическую конъюнктуру и был готов взять на себя нудные организационные заботы.

Интеллектуальный вклад Чулкова в разработку мистического анархизма был более чем скромным, если вообще был самостоятельным. Если сравнивать мистико-анархические тексты Чулкова и Иванова, то легко заметить, что последний выражает свои мысли точнее, богаче и веселее; Чулков же во многом сумбурен и поспешен. И тем не менее, если бы не он, мистический анархизм мог бы никогда не выйти за пределы ивановской «Башни». Не было бы «Вопросов жизни», вышедших в 1905 году и положивших начало общественной дискуссии по поводу идей анархистов-мистиков; не было бы самостоятельного издательства «Факелы», в котором вышло несколько их поэтических и статейных сборников; не было бы знаковой брошюры «О мистическом анархизме», публикация которой в 1906 году стала пиком их активности.

Чулков, в отличие от большинства символистов, рано и резко узнал, как живёт небогемная Россия. Учась на четвёртом курсе медицинского факультета Московского университета и увлекаясь марксистской социологией, он вступил в подпольную организацию, где ему была поручена пропагандистская работа среди пролетариев. Неопытный юноша видел себя бескорыстным просветителем пока ещё ни о чем не ведающего рабочего класса и хотел «открыть этим блузникам секрет Карла Маркса». Беседы и лекции, как водится, особого успеха не имели. В ноябре 1901 года Чулков присутствовал на банкете памяти Н.А. Добролюбова в ресторане гостиницы «Континенталь», где увеселения и отчётности ради собрались почти все московские «радикалы». Стол ломился от яств, шампанское лилось рекой, каждый тост был высокопарнее предыдущего, как вдруг один небезызвестный писатель толкнул Чулкова в бок: «Скажите что-нибудь решительное. Что это старики

мочалу жуют! Пора вещи своими именами называть».

Опуская перипетии, о которых нетрудно догадаться, перейдём сразу к тому, что уже в январе Чулков был отправлен в четырёхлетнюю ссылку в якутскую Амгу «за организацию политической демонстрации». В ссылке он познакомился со многими видными деятелями революционного движения. В автобиографических «Годах странствий» Чулков подмечает интересную особенность пенитенциарной системы: правительство, намереваясь изолировать вольнодумцев от порядочных граждан, по сути, давало им возможность беспрепятственно жить вместе и хранить верность революционным идеалам на протяжении многих лет. Социальный порядок того времени казался незыблемым, а революция — чем-то невероятным и далёким. Чулков описал разговор с одним чиновником на пути в Амгу в 1902 году: тот, забавы ради, спросил, когда же, по мнению ссылного, произойдёт революция, на что Чулков запальчиво ответил, что самое большое — через 5 лет. Чиновник, хотя и сам был настроен явно скептически по отношению к царскому режиму, рассмеялся и сказал, что никакой революции не предвидится ещё несколько десятилетий.

Чулков вернулся в Санкт-Петербург меньше чем за год до начала революции 1905 года, успев опубликовать свой первый поэтический сборник «Кремнистый путь», получивший несколько благосклонных отзывов в столичной прессе. В Петербурге он быстро занял довольно respectable место секретаря журнала «Новый путь», который содержали Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус, изрядно запустившие журнал. Чулков быстро навёл порядок в политическом отделе журнала (ещё бы, ведь он находился под гласным надзором полиции, а значит, ему нельзя было сотрудничать с политически неблагонадёжными изданиями), привлёк известных философов в литературный отдел, а в случае нехватки материала не чурался публиковать собственные статьи под разными псевдонимами.

Осенью 1904 года контроль над журналом фактически перешёл в руки философов-«идеалистов» — главным образом, Сергея Булгакова и Николая Бердяева, приглашённых сначала на правах почётных авторов. Они — не без ведома Мережковских и при наивном активном содействии Чулкова — получили обширные права в определении направления «Нового пути». Произошло это во многом из-за сворачивания в начале 1904 года деятельности Религиозно-философских собраний, протоколы которых были изначально основной составляющей журнала. «Идеалисты» чаяли организовать собственный печатный орган, и, войдя

в редколлегию «Нового пути», они смогли радикально поменять его вектор. Чулков идейные изменения поддержал, и ему удалось сохранить руководство литературным отделом, где по-прежнему предпочтение отдавалось авторам-символистам. Мережковские же к концу 1904 года почувствовали себя лишними и, воспользовавшись тем, что Чулков не принял к публикации статью Гиппиус, поставили редколлегию перед выбором — либо элита элит русского символизма (в их лице, разумеется), либо выскочка Чулков (хотя и с настоящей якутской ссылкой). Выбрали последнего, и это позволило декадентской чете изящно отстраниться от издания, а Чулкову вместе с Булгаковым и Бердяевым ловко открыть новое. Так с некоторыми абберациями «Новый путь» стал «Вопросами жизни». В это время до «кровавого воскресения» оставались считанные дни, и дух мятежности уже повсюду витал в воздухе. Чулкову настолько опостылела «политическая благонадёжность», что в новом журнале планировалось в открытую вести революционную пропаганду. Первая книжка «Вопросов жизни» вышла в самый разгар январских событий и приветствовала революционные волнения как возможность свержения существующего строя.

Понятно, что амбиции Чулкова не сводились целиком

к политике: скорее, это было следование популярному среди интеллигенции стремлению противостоять культурному и социальному упадку. Для большинства думающих людей ощущение оторванности от народа было общим моментом, и именно в этом многие видели причину невозможности немедленно шагнуть к хилиастической мечте. Символисты здесь не были исключением, оттого чаемое ими обновление (и прежде всего религиозное) должно было, по их мысли, помочь преодолеть раскол между сословиями внутри страны, объединить народ в движении к общей цели, имеющей не только социально-политическое, но и мистическое измерение. Вопросами социального и религиозного преобразования общества интересовалось преимущественно младшее поколение русских символистов, пытавшихся поэтическими, музыкальными и художественными средствами приблизить стирание границ между «символами» и той высшей реальностью, которую они до поры до времени обозначают. К младосимволистам принадлежали и Георгий Чулков, и Вячеслав Иванов. Символистское мировоззрение объединило интуиции Чулкова, протестовавшего против любого догматизма в религии, искусстве, политике и нравственности, который делает невозможным преображение реальности, и концеп-

туальные наработки мистического энергетизма Иванова.

Во-первых, это идея мистического человека. Он, в противоположность человеку эмпирическому, связанному с позитивистскими идеалами XIX века и обладающему, мягко говоря, не самыми благородными человеческими качествами (типичный «средний европеец», появившийся уже в рассуждениях Герцена), должен был стать новым пророком, который был бы способен на оригинальный мистический опыт, открыт к дионисийскому оргиазму, а также готов пожертвовать собой ради сверхиндивидуального и вселенского. Коротко говоря, мистический человек призван ответить на «кризис индивидуализма», явив миру новый способ единения с Мировой душой через «дерзкую любовь», или эрос. Человек мистический должен утвердить внутреннее Я как предельный мировой принцип. Это внутреннее Я мистических анархистов можно понимать в духе новалисовского «трансцендентального Я», овладение которым во многом и предполагал романтический «Bildungsanstalt», как некую сверхиндивидуальную реальность внутри человека, позволяющую выйти за собственные границы, к Мировой душе, а через неё и к божественному Единому. Исторически внутреннее Я более всего проявлялось у жрецов и пророков, оттого мистический человек должен был являть собой современный тип пророка. Такой мотив пророческого служения хорошо прослеживается в герметической традиции, начиная с Джордано Бруно, да и немецкому романтизму, с коим русский символизм был в отношениях генетической преемственности, эта концепция была не чужда.

Во-вторых, это идея обновлённой соборности, образом которой стал бы культовый театр, снимающий пассивность внерампового пространства современного театра. В рамках соборности был бы создан новый общенациональный миф, который смог бы объединить народ в едином оргиастическом порыве (то, чего изначально пассивному народу так не хватает). Институционально культовый театр должен был бы одновременно заменить правительство и церковь, сдерживающие переход к «органическому обществу». Нетрудно догадаться, что о театральном мистерии Иванов узнал через Фридриха Ницше, но его понимание мистерии не сводилось только к «Рождению трагедии из духа музыки».

В-третьих, это идея неприятия мира, о чём упоминал и Николай. Это, пожалуй, самый сложный для артикуляции из ивановских концептов, но именно в этой точке происходит совпадение эсхатологических чаяний Чулкова и философских идей Иванова. На закате их совместного предприятия Иванов писал о Чулкове: «Он говорит

мне «мистический анархизм», я говорю ему «неприятие мира, сверхиндивидуализм, мистический энергетизм», и мы понимаем друг друга». Сопrotивляясь религиозному догматизму (а религиозный вопрос, как ни крути, для символистов был куда важнее политического), Иванов исповедовал динамическую религиозность, подлинную мистическую жизнь, а не устоявшиеся догматы, и религиозное творчество, достижимое лишь в «правом богоборчестве». Мистический энергетизм в узком смысле подразумевал особое мировосприятие, где человек имеет право на свободное самоутверждение в качестве «судьи над миром и истца перед Богом». В правом богоборчестве человек говорит «непримиримое Нет» наличному миру, где есть смерть, несправедливость, недостаток, болезни, ради «слепительного Да» уже забрезжившего рассвета мира преображенного. В соборности и неприятии мира мистический человек должен осознать, что сверхличная и творческая воля транслируется только через личное безволие. Антиномичность мистического анархизма, выражавшаяся не в диалектике его принципов и не в диахроническом проявлении оных, а в их оргийном смешении, раскрывает его суть как сверхличное самоутверждение.

Хронологически мистический анархизм совпал с подъёмом и затуханием революционного движения в 1905-1907 годах. И это неудивительно, ибо героический энтузиазм, подобный тому, что присутствовал у анархистов-мистиков, редко подпитывается чем-то иным, кроме предчувствия близости коренных перемен. Именно в такой исторический момент и встретились Георгий Чулков и Вячеслав Иванов. Один жаждал социальных и политических преобразований, а другой искал практическое применение своим философским наработкам. Упрощая и схематизируя, я бы сказала, что Иванов отвечал за идеологию и элитарность, а Чулков — за пиар и материальное обеспечение. Мистический анархизм был прочно укоренён в мировой интеллектуальной традиции, будучи генетически связанным с гностицизмом (правда, это больше было заметно у Чулкова), герметизмом, мистицизмом и романтизмом, а значит, был не только проявлением *Zeitgeist*, «духа времени», но и относился к более универсальному порядку, такому как свойственный многим эпохам теургический проективизм.

Удалось ли мистическим анархистам создать философское сообщество? Помилуйте. Николай здорово подмечает про «ускользающие от формализма кружки». Конечно, нет — это вам не йенцы. Но ведь, как говорится у Шекспира: «So long as men can breathe or eyes can see, so long lives this, and this gives life to thee».